

Белоснежные черепа, развешанные по горным воротам, отпугивали незваных гостей с дурными намерениями, благодаря чему здесь царило относительно устойчивое спокойствие.

Се Жэнь цокнул языком:

— Если так посмотреть, У Люсюю вовсе не обязательно удастся переселить душу. Ему ведь даже в ворота не войти. Господин Мэй, ты нашёл его?

Ло Мэйшэн вздохнул:

— Опоздал на один шаг. Сегодня утром я собственными глазами видел, как марионетки встретили его и он вальяжно вошёл в ворота.

Се Жэнь:

— ...

— То есть этому счастливчику просто повезло и он попал как раз тогда, когда у марионеток было хорошее настроение?

Ло Мэйшэн:

— Именно.

Фэн Цяньсюэ спросил:

— Если у марионеток было хорошее настроение, почему господин Мэй не воспользовался случаем и не прошёл вслед за ним?

Ло Мэйшэн беспомощно развёл руками. Утром он и вправду попытался прошмыгнуть во двор, но свирепые марионетки вытолкали его вон. Причина заключалась в том, что хозяин обители Фэйсянь был одет в красное, а этот цвет резал им глаза.

«...»

Раз уж Ло Мэйшэна выставили за дверь, оставалось только сменить тактику и заставить испытать удачу кого-то другого.

Се Жэнь стоял перед воротами горной виллы клана Вэнь. Подняв голову, он взглянул на вывеску, обвитую лианами и кишачую ядовитыми тварями, и тихо шепнул стоящему рядом:

— Это место ничем не отличается от могильника. А-Сюэ, может, нам притвориться цзянши? Так мы хотя бы будем выглядеть более родственно для них.

Фэн Цяньсюэ спросил:

— Ты хоть раз видел девушку, которой нравятся цзянши?

Се Жэнь пробормотал себе под нос, что тоже отродясь не встречал девиц, которые отвергали бы Ло Мэйшэна ради какого-то У Люсюя, так что логика у этих марионеток явно вывернута наизнанку.

Фэн Цяньсюэ, которому надоел его шёпот, нацепил ему на лицо синекожую клыкастую маску:

— Всё, замолчи, цзянши.

Се Жэнь едва не задохнулся и только собрался сорвать её, как ворота перед ними со скрипом отворились. Ему ничего не оставалось, кроме как опустить руки и мгновенно вытянуться стрункой. Он не знал, насколько жутко выглядела прилипшая к его лицу штуковина, но, судя по реакции марионетки, открывшей дверь, зрелище получилось весьма впечатляющим. На самом деле перед ними стояла очень красивая девушка, вот только её движения были скованными, а лицо — смертельно бледным, отчего выглядела она крайне зловеще. Она уставилась на Се Жэня лишённым всяких эмоций взглядом, а спустя мгновение медленно отползла в угол, опустила на корточки и сухо закашлялась, страдая от позывов к рвоте.

На душе у Се Жэня было смутно: «Что за чертовщину ты мне нацепил? Бедную девушку аж тошнить начало!»

Фэн Цяньсюэ оставался невозмутимым, лишь уголки его губ слегка подрагивали.

Се Жэнь незаметно щипнул его за талию: «Смейся-смейся, в этот раз нас точно не впустят, опять придётся менять обличье и возвращаться».

Поскольку марионетка всё продолжала сухо кашлять, обоим оставалось лишь ждать у входа. Прошло добрых пятнадцать минут, прежде чем она поднялась, неторопливо подошла к ним, схватила Се Жэня за запястье и потащила за собой во двор, непрерывно твердя:

— Сменить лицо, сменить лицо, сменить лицо.

Се Жэнь снова расширил свой кругозор: оказывается, сработало и это.

Фэн Цяньсюэ пошёл следом.

Хотя это место и носило название «горная вилла», на деле оно отличалось от окружающих диких хребтов лишь наличием ворот. Вокруг буйствовали древние деревья и сорняки, практически скрывая постройки. Марионетка тащила Се Жэня до самого главного зала и только там разжала пальцы:

— Сменить лицо!

В зале находилось ещё около десятка марионеток. Услышав шум, они синхронно повернули головы в их сторону.

Выражение лица Фэн Цяньсюэ оставалось холодным, а вот Се Жэнь под маской растянул губы в ослепительной улыбке.

В результате остальных марионеток тоже согнуло от позывов к рвоте.

Младший господин Се:

— ...

— Сменить лицо, сменить лицо, сменить лицо!

Всё больше марионеток обступали их со всех сторон.

Фэн Цяньсюэ вытянул руку, заслоняя Се Жэня спиной:

— Судя по тому, что девы надели перчатки и держат в руках скальпели, вы сейчас заняты сменой лица для кого-то другого. Мы можем подождать.

— Нет... Не сменить лицо... Переселить душу, — одна из марионеток в жёлтом медленно перевела на них взгляд. — Переселить душу... не к спеху... Сменить лицо... сменить лицо... сменить лицо.

Она повторила это раз пятнадцать подряд — видно, уродливый мужчина действительно превосходил всякие границы её терпения. Скованным движением вытянув руки, она протолкала обоих в покои. Едва переступив порог, Се Жэнь повеселел: на кровати лежал человек в сером одеянии.

— У Люсюй! — с ходу окликнул его Се Жэнь.

Мужчина в сером резко повернул голову. Хотя он и не узнал Се Жэня с Фэн Цяньсюэ, но сразу понял, что они пришли с дурными намерениями. Он попытался приподняться, но его тело было утыкано гвоздями для переселения душ, так что он не мог шевельнуться и лишь в панике закричал:

— Сестрицы-бессмертные! Сестрицы-бессмертные, они хотят убить меня, спасите!

— Ты совсем сдурел? Кто собирается тебя убивать? — Се Жэнь пнул ножку кровати. — Хватит дёргаться. Ещё пару раз дёрнешься — и руки с ногами развалятся.

Марионетка в жёлтом отпихнула Се Жэня ногой и одной рукой схватила его за плечо:

— Ты... хочешь... убить.

— Я не хочу никого убивать, я пришёл за человеком, — с полнейшей правотой заявив, Се Жэнь ткнул пальцем в У Люсюя. — Он вор! Мало того что украл деньги, так ещё и похитил поэтический сборник, над которым мой Сяо Сюэ трудился всю жизнь! А теперь прибежал на хребет Дагуцуй, чтобы изменить обличье и выковать новое тело! Благо я вовремя выследил его, иначе его замысел увенчался бы успехом.

Сочиняя эту ложь, он целиком исходил из психологии марионетки. И действительно, тема книги, составленной ценой трудов всей жизни и затем украденной, задела марионетку за живое. Вероятно, вспомнив свои многовековые невзгоды, она прониклась глубоким сочувствием: её рука задрожала, а лезвие ножа скользнуло по щеке У Люсюя. Тот от страха завопил сорванным голосом:

— Я не крал! Бессмертная дева, я не крал никакой сборник! Они... они всё врут! Они вообще не умеют писать стихи, не верите — заставьте их написать прямо сейчас!

Улыбка Се Жэня застыла:

— Э-э?

Марионетка в жёлтом повернулась к Фэн Цяньсюэ:

— Твой... сборник... украл... он?

Фэн Цяньсюэ ответил:

— Да.

— Тогда... напиши... стих... докажи.

— Хорошо.

«Хорошо?!» Се Жэнь вновь ощутил то же чувство, будто его поразила молния, как тогда на бессмертном корабле. Он мгновенно схватил возлюбленного за руку, решив, что уж лучше он просто отбьёт пленника силой.

Фэн Цяньсюэ произнёс холодным и бесстрастным тоном:

— Здоровенный экий вор,

Красть стихи ему не сор.

Коль отдавать не хочет вспять,

Буду ноги ему ломать.

Се Жэнь прикрыл лоб рукой: «Я оглох. Я ничего не слышал».

Лежащий на кровати У Люсюй с сомнением и дикой усмешкой залился хохотом:

— Твои... твои стихи... Ха-ха-ха-ха-ха! Сестрица-бессмертная, ну видишь, я же не врал! Да эта ерунда даже... А-а-а!

Се Жэнь одним ударом кулака заставил его проглотить остаток фразы, висцерально и свирепо пырнув его взглядом: «А ты ещё смеешь насмехаться?!»

Марионетка в жёлтом не обратила на У Люсюя никакого внимания. Она ещё некоторое время разглядывала Фэн Цяньсюэ, а затем произнесла ещё медленнее:

— Твоих... таких... стихов... сколько... ты... написал?

Фэн Цяньсюэ опустил глаза:

— Тринадцать тысяч восемьсот пятьдесят четыре.

Услышав эту поразительную цифру, в застывших, подобно мёртвой воде, глазах марионетки мелькнула искренняя сострадательность. В её памяти всплыли давние времена, когда она только начинала учиться врачеванию: она была столь же бездарна и знала лишь переписывание книг, полагая, что если зазубрит всё до автоматизма, то сможет исполнить последнюю волю хозяина. Сколько же раз она переписывала фолианты? Пожалуй, тоже больше десяти тысяч раз. Во всём свете никто не понимал лучше неё эту боль, когда нехватка таланта обрекает любые усилия на полный провал.

Размышляя об этом, она подошла к кровати и, игнорируя оглушительные вопли У Люсюя, один за другим вытащила гвозди для переселения душ. Извлеки последний, она передала полуживого пленника в руки Се Жэня:

— Иди... заberi... сборник... А потом... смени лицо... сменить лицо... сменить лицо.

Се Жэнь сложил руки в приветствии:

— Слушаюсь. Благодарю, сестрица.

Марионетка в жёлтом провела их в обход ловушек до самого выхода, но прощаться не стала. Вместо этого она слегка похлопала Фэн Цяньсюэ по плечу:

— К некоторым вещам... нет таланта... не нужно... насиловать себя... Молодой господин... займись... чем-нибудь... другим.

Фэн Цяньсюэ:

— ...

Се Жэнь поспешно отвёл его в сторону и с виноватой улыбкой произнёс:

— Сестрица совершенно права! Что ж, мы прощаемся! — И тут же услужливо добавил: — Как только разделаемся с этим вором, я обязательно вернусь сменить лицо!

Лишь тогда марионетка осталась довольна.

Протащив У Люсюя за собой через три горных поворота, Се Жэнь наконец смог сорвать маску. Взглянув на неё с обратной стороны, он и сам едва не ощутил позывы к рвоте, а потому поспешно убрал её в мешочек цянькунь от греха подальше.

Фэн Цяньсюэ пнул камешек под ногами и, повернувшись, спросил:

— Се Жэнь!

— А? Что такое?

— У меня правда совсем нет таланта к поэзии?

— ...

— Почему ты молчишь?

— Я не молчу, мне просто нужно сначала подумать.

— О чём подумать?

— О том, как тебя похвалить, — Се Жэнь обнял его за плечо. — Другие, может, и не ценят, а мне безумно нравится. Настолько, что я готов слушать твои стихи каждый день. В будущем мы построим большой дом и выделим целую комнату под твои поэмы. Идёт?

Фэн Цяньсюэ немного подумал и согласился:

— Идёт.

Се Жэнь со смехом взъерошил его волосы:

— Пойдём, отыщем господина Мэй!